

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Впервые эта тема всплыла в разговоре с одной знакомой, которая в совершенстве знала немецкий. Переводами с этого языка и на него она и хлебушек зарабатывала. Каким-то образом разговор коснулся такого понятия, как «совесть». Я спрашиваю: «А как по-немецки “совесть”?» И она неожиданно затруднилась с ответом. В тот день немецкая совесть так и не всплыла в памяти. А день спустя мы опять встретились, и знакомая радостно выпалила: «Gewissen!» Совесть по-немецки будет «Gewissen». Но дело было не только и не столько в «совести». Дело было в том, что, как я тогда впервые понял, люди, хорошо владеющие иностранными языками, могут не владеть лексикой, связанной с нравственностью, с духовной жизнью. «Я танцую», «мы танцуем» – знаю. «Я молюсь», «мы молимся» – не знаю.

Этот тезис был потом многократно подтвержден в разговорах с другими людьми. Девчушка, одноклассница сына, провела несколько лет во Франции. Лопочет по-французски лучше преподавательницы. Спрашиваю и ее: «Как по-французски “совесть”?» Молчит. «А как “стыд”? А “милосердие”?» Тоже молчит. «Сколько стоит?», «как пройти?», «который час?» – все знает. А вот фразу «я обидела маму, и теперь мне стыдно» сказать не может. Лексик нет. И это не частные изъяны образования отдельных особ. Это ошибочный принцип, заложенный в наше образование, в данном случае – филологическое.

Обучение языку – это впитывание нового мировоззрения либо перевод своего мировоззрения на чужую речь. Общий дух нашей эпохи вполне отражается на рубриках любого разговорника. Например, русско-турецкого или русско-немецкого. Там вы найдете разделы с фразами, которые вам понадобятся при заселении в отель, при посещении магазина, при обмене валюты, при внезапном недомогании. И еще много подобных страничек про еду, про погоду, про то, «как Вас зовут». Это правильно. Без этого никуда. Но совершенно неправильно то, что в таких разговорниках (за редким исключением) вы не найдете слов, которые помогли бы распространить местных об их духовной жизни или рассказать им о своей. Об этом нигде ничего не написано, как будто церковью, монастырем, постом, воскресных служб в природе не существует, а есть только парикмахерские, автобусные остановки и спа-салоны. Дело иногда доходит до того, что даже воспитанники православных гимназий, посещая на каникулах своих сверстников за рубежом, ничего не могут им рассказать о себе как о православных людях. Одна такая группа посетила Ирландию. И оказалось, что простейшие фразы, вроде «мы начинаем день с утренней молитвы», или «мы изучаем Закон Божий», или «на праздники у нас вместо занятий Литургия», дети выдать не в силах. Нет словарного запаса. И про Патрику Ирландского они ничего толком не знают. И термины католической церковности, часто совпадающие с нашими (священник, монах, благословение, месса, вечерня, исповедь) им неизвестны. Просто какое-то большое-пребольшое и белое-пребелое пятно в образовании.

Ведь нас так и учат. Так учебные пособия составлены. Как написать письмо другу, как рассказать о летних каникулах, как обсудить футбольный матч. Решительно все есть в современных учебниках, ярких, умных, актуальных. Только нет там ничего, что говорило бы о том, что у человека душа есть, что человек не только ошибки, но и грехи совершает. Разница важная, поскольку ошибки нужно исправлять, а в грехах – каяться. Слова «ошибка» и «исправлять» мы легко найдем, а слова «грех» и «покаяние» в учебниках не отыщем. Только в академическом словаре. Хотя у старшеклассников с грехами «все в порядке», в смысле – есть уже грехи. И слово «любовь» найдем, а слово «верность», кланусь, не найдем. Даже днем с огнем. Это при том, что верность всем нужна. Все дети хотят,

чтоб мама с папой не бросали друг друга. Но откуда верность возьмется, если даже слова такого в учебниках не пишут?

Таким образом, мы являемся заложниками той басурманской модели образования, согласно которой есть «мрачное Средневековье», в котором незачем копать, и есть светлое будущее, к которому нужно стремиться. Это не что иное, как хамский стыд модного шеголя при виде матери-старушки. Современное безбожие стыдится своего христианского прошлого и упорно замалчивает все, что касается родового гнезда. Мораль – это, дескать, пережиток, а все, что связано со сказками и снами, нам объяснит Фрейд. Такое вот мировоззрение. Отсюда эта однобокая лексика при изучении языков и атеистически цензурированные учебники.

В курсе страноведения, необходимым при изучении любого языка, ребенка тоже быстро проводят за руку мимо замков, рыцарей, монахов, паломников, витражей, статуй, органов, крестовых походов, Пименов с летописями и тащат прямо к Эйфелевой башне, будто с нее мир начался. Если с Парижем знакомят, то почему-то не с Женеви́вы или Хлодвигача начнут, а сразу с Мопассана или даже Сартра. Если Ирландия, то не с Патри́ка, а сразу с Джойса. Если Чехия, то будет Гашек или Ка́фка, а не святой Вацлав. И таков же подход к страноведению относительно Италии или Германии. Но почему? Как так получилось, что изучение арабского языка без знакомства с Кораном невозможно, а изучение английского или французского без знакомства с Библией возможно? Это что такое? Позвольте напомнить священную банальность: вся роскошная сложность европейского мира выросла из Вифлеемской пещеры. Все, чем европеец гордится, – это «все пришедшее после», как говорит Пастернак в «Рождественской звезде». Вот ослики идут с горы в ту сторону, где родился Младенец, за ними везут на верблюдах дары. И миражом за этой процессией встает «все пришедшее после»:

Все мысли веков, все мечты, все миры,
Всё будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все ёлки на свете, все сны детворы.
Весь трепет застепленных свечек, все цепи,
Всё великолепье цветной мишуры...
...Всё злей и свирепей дул ветер из степи...
...Все яблоки, все золотые шары.

«Все мысли веков, все мечты, все миры» родом из слова Божьего. А галереи и музеи молчат перед теми, кому библейские сюжеты неизвестны. Неграмотность в религиозной жизни грозит подлинным одичанием, и мы соврем, если скажем, что признаки этого одичания не видны. Видны еще как. Просто прямые запреты советской поры хитро сменились едва ли не более опасным умолчанием, но суть войны против бессмертной души не меняется. И, как говорил Николай Сербский, к школе без молитвы непременно добавится политика без совести и брак без верности. Это связанные вещи. Не ругайте их по отдельности.

Но завершим не констатацией проблем и перечислением угроз, а конкретным предложением. Пусть все, кто знает языки (или думает, что знает) проверят себя на знание духовной, исторической и нравственной лексики. Пусть попробует рассказать, например, о Пасхе или Рождестве на том языке, который знает. Как знать, не приведет ли Бог когда-нибудь стать проповедником или наставником в вере для какого-нибудь иностранца. Пусть попробует рассказать на чужом языке об устройстве или убранстве православного храма, о ближайших к твоему дому святынях. Короче, можно включить фантазию и придумать несколько таких заданий. Все они будут полезными, а главное непривычными, поскольку подобного рода деятельностью нас никто не утруждал. Стоит ли говорить, что учителя иностранного должны заниматься этой работой первыми?

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Помогите найти ясный ответ на такой вопрос (его любят задавать протестанты): почему православные священники освящают оружие и благославляют людей на войну, хотя бы и оборонительную? Почему на уровне большой общности (государства) не действует заповедь о грехе убийства?

Обряд освящения оружия имеет началом рыцарскую этику. Он означает, что оружие должно употребляться в защиту слабых, обиженных и подвергнутых насилию. Рыцарь давал клятву, что не станет использовать оружие в несправедливых целях. Поэтому чин освящения оружия был сдерживающей силой и нравственно ограничивал его употребление. Считалось позорным и недопустимым применять освященное оружие против женщин, детей, пленников, и даже беззащитных врагов. Что касается вопроса о допустимости войн, то протестанты верят Ветхому Завету, а Моисей, давший заповедь «Не убей», вел войны и, как высший судья народа, приговаривал преступников к казни. Человек не имеет право распоряжаться самовольно жизнью другого – в этом заключается заповедь «не убей». А всякое государство должно иметь средство самозащиты от врагов – внутренних и внешних, хотя здесь возможны злоупотребления. Сами протестанты, критикующие обряд освящения оружия, в свое время подвергли народы Европы кровопролитной войне, продолжавшейся несколько десятков лет, не говоря о колониальных войнах. Представьте, если бы на ваших глазах убивали или пытали близких и дорогих для вас людей, должны ли вы вступить за них с оружием в руках или нет?

В полемике наши оппоненты часто приводят одно из писем Василия Великого, где он как будто говорит о том, что человек сначала должен изучить античную философию. Это как бы ступень к христианству. Что в античной философии есть зерна истины. Не является ли это собственным мнением святого (если и правда такое письмо существует)?

Василий Великий пишет, что хотя он изучал философию в юности, но в сравнении со Священным Писанием она кажется ему детской игрой. Святые Василий Великий и Григорий Богослов говорили об определенной пользе философии не для спасения и духовной жизни, а для занятий богословием, так как богословие пользуется терминологией, отчасти взятой из античной философии. В этом смысле прп. Иоанн Дамаскин называет философию служанкой теологии.

Можно ли, если дома не успела, утренние молитвы читать про себя в транспорте по дороге на работу? Можно ли изменять порядок утренних (вечерних) молитв? И самый важный для меня вопрос: как учиться постоянно творить Иисусову молитву, если живешь в большом городе? Читала, что начинать необходимо обязательно с устной Иисусовой молитвы, иначе можно навредить себе. Т.е. произносить ее про себя для начинающего будет неправильно. Как же тогда быть, вокруг все время люди?

Утренние и вечерние молитвы, или хотя бы часть их, постарайтесь выучить наизусть, и при необходимости читайте в транспорте и вообще в любом месте. Второй вопрос для меня не вполне понятен. Если вопрос идет о сокращении молитв, то при болезни, усталости или неотложной работе можно сократить их, руководствуясь чувством собственной совести. Но постарайтесь дополнить их Иисусовой молитвой.

Третий вопрос о том, как устно читать Иисусову молитву, будучи среди людей. Можно читать устно, но не вслух, то есть совершать движения губами и языком, а точнее, держать свое внимание на замкнутых губах, которые во время произношения молитвы напрягаются, как бы двигаются. А когда вы одни, то произносите молитву голосом, но тихо, вслух себе самой. Не следует обучающимся Иисусовой молитве сразу переходить на внутреннюю молитву, так как устная молитва постепенно преображает ум и сердце человека, и дает молитве правильный ритм. Простите за такой пример. Суворов говорил: «Горячую кашу надо есть с краев тарелки, а не с середины, чтобы не обжечь рот». В Иисусовой молитве важна постепенность. Но если Иисусова молитва сама пробудилась в душе человека, то ни в коем случае нельзя прерывать ее, пока она не замолкнет сама. Через некоторое время, когда Иисусова молитва прочно войдет в вашу жизнь, то можно чередовать устную молитву с внутренней, но никогда не надо устную молитву полностью оставлять.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

НОВОСТИ

08.01.2017. Папский визит в Сербию маловероятен в ближайшее время – Патриарх Ириней. «Нам приятно, что Папа выразил желание побывать в Сербии, – сказал председатель Сербской Церкви. – Но по причине событий, которые имели место в прошлом, значительная часть населения противится этому». Как отмечают обозреватели, под «событиями прошлого» Патриарх имел в виду, в частности, изгнание этнических сербов из традиционной католической Хорватии в ходе войны в Югославии.

09.01.2017. В Челябинской области уничтожен самый известный поклонный крест. На острове Веры с вершины скалы, которая является высшей точкой острова, расположенного на озере Тургояк, накануне Рождества был уничтожен поклонный крест. Металлическое основание, установленное на скальном останце, срезано, а сама конструкция исчезла, сообщает URA.ru со ссылкой на соцсети. Остров Веры известен на Южном Урале и за его пределами как одно из самых загадочных культовых мест. Здесь шесть тысяч лет назад были построены каменные мегалиты, а в XIX веке располагался старообрядческий скит, впоследствии разогнанный царскими властями. После открытия археологических памятников, которых насчитывается сегодня более 40, за остров «борются» представители православия и искатели нетрадиционной духовности. Язычники устраивают на останце жертвоприношения, а христиане устанавливают на нем кресты. Несколько деревянных крестов были уничтожены в процессе этого соперничества, а последняя конструкция из мощных стальных труб какое-то время оставалась неуязвимой.

13.01.2017. Саратовская епархия оказывает помощь пострадавшим от взрыва в жилом доме. Ответственный за взаимодействие епархии с МЧС священник Павел Скрынский встретился с пострадавшими в пункте временного размещения, побеседовал и предложил продуктивную и вещевую помощь. Сестры милосердия дежурят в медучреждениях, где находятся пострадавшие, сообщает «Диакония.Ру».

«Ваша философия» и другие рассказы протоиерея Алексия Лисняка

Продолжение. Начало в №37 (377)

По дороге в тюрьму я заскочил за Евгением, когда он еще не просыпался. Сопроводить меня он согласился с удовольствием. Даже серьги из ушей повывинчивал и нарядился без черепа. Мой пропуск позволял провести с собой помощника, и Женя в тюрьме помогал петь молебен, читать правило ко причащению. Словом, пономарил как должно. А еще успевал общаться с сидельцами. На воле бывалые круты в своих компаниях, потому что сидели. А там все по-другому – бедолаги имеют жалкий вид и положение их весьма унизительно. Убедительное зрелище. «Пусть его, – думаю, – поглядит, может, что поймет и без моих комментариев». Лучше один раз увидеть...

Он и вправду увидел. Обратной дорогой мой спутник находился в оптимистическом возбуждении. Ерзал на своем боковом сиденье, глаза светились. Пока ехали по городу, он еще молчал, но когда машина побежала вдоль облетевших березок, он разговорился. Впечатления действительно получились глубокие, только...

– Это ж... я в зоне был! Кренделям развоню... в натуре, зону топтал!

Весь приход молился тогда за нашего неформала, и только несчастная мать после описанного случая обиделась и покинула приход. Соседи доносили, что ночами слышится, как она материт сына.

Осенняя слякоть в тот год тянулась и никак не хотела проходить. Совхозные грузовики непривычно долго вывозили с полей свеклу, раздрыгали окрестные проселки. Ветер размочалил на колокольне Женины веревки. Старому Семенychу снова пришлось вспоминать, как пользоваться четырьмя церковными колокольчиками.

Однажды под холодным дождем Семенych повстречался с нашим неформалом. Рассказывал тогда, что у Евгения появилась татуировка на лбу, свои барабаны он таки продал и купил гитару. Попытался ее пропить...

Про великие мучения

Однажды старинный семейный друг решил показать мне столицу. Не ту, шумную и грязную, к которой я уже успел привыкнуть, а другую, тихую, светлую и незаметную. Мы отправились в древний храм, что в Сокольниках. Ехали долго. Голова раскалывалась от шума и пестрящей всюду рекламы, но лишь только мы вошли в церковь, все вмиг изменилось. Здесь царило священное спокойствие. Мы приложились к чудотворной иконе, послушали молебен. Батюшка щедро умастил разболевшиеся головы добрым елеем, и нам сразу полегало. Церковь была полна москвичами, но они казались совсем другими, не похожими на тех, что дремлют в метро и толкаются бесконечными переходами. Здешние светились, улыбались и не думали дремать. Мой поводыр объяснил, что столица – настоящая столица – она здесь, в храмах, а вовсе не вокруг них. Эта мысль мне понравилась. Я с ним согласился, и мы встали в очередь к свечной лавке.

Впрочем и здесь, в этой светлой Москве, нам встретился другой, уныло дремлющий горожанин.

Он стоял в очереди впереди нас, и его окружали мордатые телохранители. Его черед вскоре подошел, и нам невольно пришлось подслушать его печаль. Просунув голову в окошко свечного ящика, он потребовал у продавщицы икону своего святого, а заодно попросил, чтобы она рассказала о нем. Продавщица поинтересовалась, как зовут вопрошателя. Он оказался Георгием. Тогда она посоветовала взять образок святого Георгия Победоносца. И добавила: «Великомученика». Это слово впечатлило унылого. Он переспросил:

– Великомученика? Мой Ангел великомученик? – покупатель задумался и прослезился. – Точно. Прямо как я. Я ведь тоже великомученик. Всю жизнь мучаюсь. Гоняюсь за счастьем, а что-то никак не догону. – Он разоткровенничался не на шутку, а продавщица, чтобы помочь ему, терпеливо его выслушивала. – Всю жизнь как белка в колесе. Это только говорят все, что надо дом построить, сына родить да дерево посадить, и всё, и будешь счастливым. Я уже десяток, наверное, домов себе построил и у каждого дома где сад, а где парк насадил. И сыновей у меня шестеро, по паре от каждого брака. А счастья всё что-то нет. С бизнесом этим не клеится всё время... Точно, я и есь

этот самый великомученик.

Тут в его кармане заулюлюкал мобильник. Он взял трубку, послушал и велел мордатым подавать машину. Телохранители усккали, а он поблагодарил продавщицу:

– Спасибо вам. Точно вы меня определили. Великомученик я, как и мой Ангел.

В распахнутую дверь было видно, как к паперти подрулил лимузин. Мученик утер слезу и попрощался. Уходя он забыл в лавке купленную иконку, так спешил к своим страданиям. Когда очередь дошла до нас, мы увидели, что продавщица, растроганная жалобным рассказом, скорбит о «мученике»:

– Жалко его, – говорит, – рада бы помочь, а как? Он ведь меня слушать бы даже не стал. Такие «мученики» часто приходят. Желают от батюшек наших облегчение получить, а сами их не слушают. Гордые очень, гордость послушаться не позволяет. Так и мучаются всю жизнь. Иконки вот так же забывают, как этот...

Светлая Москва и теперь ликует. Каждый день. Где еще, в каком месте на земле враз совершается столько Божественных служб, как здесь? Сотни церквей стоят с распахнутыми дверями. И тысячи серых «мучеников» проезжают мимо этой радости. Протирают кресла в офисах, месят грязь на рынках, проторговываются в ларьках и всю жизнь страдают. Хотят так, наверное. Мазохисты.

* * *

В нашем селе приезжие, как и в любом другом, всегда на виду. Они – главные звезды сплетен. О них судачат на лавочках, в магазинных очередях и даже при обычных встречах посреди улицы: «Слыхала новость? Те-то, которые... ух, какие они!..» Но это новое семейство не снискало себе звездной славы. Они оказались верующими, и все сплетницы разом поломали о них языки: «Слыхала? Эти-то, которые... верующими оказались, в церкву ходютъ». – «Мракобесы, что с них взять».

Эти «новички-мракобесы» купили себе ветхую халупку возле храма, распахали огород и зажили с Божьей помощью. Прихожане к ним привыкли сразу, как ко всем веселым и добродушным. И пусть их ржавая машина стóит как выхлопная труба от лимузина, пусть домик и всё имущество оценивается как одно лимузиновое колесо, они улыбаются и цветут. Впервые встретив новую чету в храме, Семенych их поприветствовал:

– День добрый! Как дела?

А они ему:

– Спаси Господи. Хорошо, слава Богу.

Семенych вывел: «Наши люди».

Наши люди обживались. Когда отремонтировали домик, из города, от родителей забрали своего пятилетнего сына-инвалида. Вскоре и его, улыбчивого, стали в коляске привозить ко причастию. Сын-инвалид оказался доброй новостью для сплетниц: «Надо ж ведь как!» – «Ага, вот горе-то!»

Сердобольная Петровна однажды решила пожалеть новеньких и оплакать их всех – горемычных – вместе с котом. В их палисаднике распустилась душистая сирень. Мычали коровы, брехали собаки, молодежь играла в карты возле своих распускающихся садов. В воздухе носился запах весны. Петровна уселась под сиренью и принялась ожидать. Когда супруги вдвоем катили коляску с сыном ото всенощного бдения и кот семенил впереди них, она вскочила, вся сморщилась и навстречу им заголосила:

– Ой, беденькие вы беденькия-а! Горемыки несчастныя-а!

Ой, горе-то какое! Сынок-то ваш... Ой, мученики вы мои-и-и...

Чета поглядела на нее с недоумением, дескать, что это с ней? Может, помощь нужна?

– Бабуль, что стряслось? Вам помочь?

Петровна захлопала глазами, сообразила, что спектакль про мучения сорван, перестала кукситься и попятилась через улицу к своим товаркам, на лавочку. Идет, прихрамывает. Мучается. А молодое семейство ей вдогон все докучает:

– У кого горе-то, мать? А?

Цена всем волнениям

Я – священник со служебным стажем три дня. Отмолившись, тороплюсь – в другом месте назначено. Опаздываю. Топчусь по полустанку, нервничаю. Не знаю, что мне делать – электрички всё нет, планы рушатся, хоть плачь! Рядом мирно курит незнакомый дед. Ему меня жалко. «Трепыхась-то так, почему зря. Прыгай, не прыгай...» – слово за слово, и он затевает ненавязчивое утешение. Так потом оказалось.

С той поры прошло немало лет, но лишь только, бывает, потянет засуетиться, подергаться от крушения затей, утешительный дедов рассказ вспоминается мне очень живо. Привожу

простецкую дедову повесть здесь, немного обработав. Авось кому пригодится. Итак.

Пятничным вечером друзья выбрались порыбачить. «Москвич» затормозил, рыбаки вытряхнулись из него и потянулись:

– Лепота...

Впереди два дня «лепоты». Они выбросили на траву свой рыбацкий скарб: бредень, сети, удочки, палатку, резиновую лодку и прочее, без чего все радости ущербны. Вскоре сети были расставлены, донки закинуты, лодка причалена носом к поваленной сосне. Водку притопили у причала остывать. Плеск воды, стрекот кузнечиков...

– Без этого человек – не человек. Так, сморчок какой-то!

– Точно!

Рыба не клевала. Друзья посидели немного у донок наготове – ни поклевки! Решили размяться, собрали в пролеске валежника, чтобы хватило на два дня... уху варить. Выпили, проверили снасти: черви лениво извиваются на крючках. Вот оказия! Снова выпили и постановили мочить бредень. Завели раз, поймали лягушку. Выругались, плюнули. Завели другой и повеселили: пара щучек, тройка окуней и язек. Уха будет какая-никакая.

Вскоре под котелком заплесал огонь.

Солнце село, и у воды заохлодало, над рекой поплыл пар. Рыбаки оделись. Сергей принялся чистить рыбу, а Ваня собрался проверить сети и потопал к лодке. Вскоре у причала послышалось барахтанье. Минуту спустя мокрый Ваня в одном сапоге нарисовался у костра:

– Я лодку отвязал, а без ума, что в том месте течение... Одной ногой вскочил...

– Ну?

– Ну нога и поплыла сети проверять. А другая по берегу – скок, скок. Оттолкнулся ею от земли, а до лодки не долетел. Глубоко, блин, с ручками! Сапог утопил. Течение такое, что... Скажи спасибо, посудину твою успел поймать, минута бы – и все, ушла бы в ночь.

Ваня скинул мокрый свитер и штаны. Сергееву одежду поделили на двоих.

Ущица шепчет, костерок постреливает. Покойный язъ высунулся и смотрит за реку вареными глазами: там в холодном воздухе мерцают огоньки деревни. Августовская ночь прозрачна, она заставляет ежиться и выпивать. Проснулись звезды. Тишина... Над лесом всплыл месяц, стало светло. У берега шелестит вода. В лесу потрескивают сучья, будто там водятся слоны. Искры от костра уносятся в небо...

...Ваня вспомнил свой утопший сапог:

– Вот, блин, совсем новый, денег стоит. Такая потеря!

Сергей подумал, что друг юморит, и немного похихикал. Но скоро стало ясно, что Ивану не до шуток. Он тужил:

– Тебе легко. Конечно, чужого не жаль. Теперь и второй придется выбросить. Чужая беда – не беда?!

– Ну что ты, Ваня, какая тут беда? Успокойся, новые купишь.

– Ага, купишь! Таких шахтерских не купишь. Досадно, блин. Тебе-то хорошо, вон у тебя все целехонькое...

Сергей тоже огорчился – раньше за приятелем такой мелочности не водилось:

– Чужой, не чужой... Ваня, очнись! Вокруг такая красотища, а ты про какой-то вонючий сапог! Жизнь продолжается!

– Нет, тебе не понять... – Ваня встал и пошел нырять за сапогом. Сергей, хотя тоже выпил, смекнул, что добром эта затея вряд ли окончится. Поплелся следом.

Иван нырнул. Действительно, глубина! Друг ждал с минуту, но тот все не всплывал. Сергей почуял недоброе, быстро разделся. Уже собрался было прыгать за утопленником, как тот всплыл. Он кашлял, хватал воздух и колотил руками воду. Сергей втащил друга на сушу. Тот трясся, заикался... Выяснилось, что под водой Ваня плавками зацепился за корягу. Плавки импортные, дорогие. Порвать – себе дороже, вылезти из них и бросить – ищите дурака. Вот он за малым и не остался в своих плавках там, на дне...

Улеглось.

...Наконец поспела уха. Друзья уселись подле котелка. Вдалеке мерцает красным огоньком бакен...

– Ну-ка, Ваня, глянь туда! – Сергей указал в сторону бакена. От него отлепился и поплыл в сторону рыбаков другой огонек, поярче. Над водой взвыл лодочный мотор.

– А, – Иван махнул ложкой. – Наверное такие же, как мы, вырвались...

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

15 янв., вс. – Неделя 30-я по Пятидесятнице, пред Богоявлением. Предпразднство Богоявления. Свт. Сильвестра I, папы Римского. Прав. Иулиании Лазаревской, Муромской. **Прп. Серафима, Саровского чудотворца.**

16 янв., пн. – Прор. Малахии. Мч. Гордия Каппадокийского.

17 янв., вт. – Собор 70-ти апостолов. Прп. Феоктиста, игумена Кукума Сикелийского. Свт. Евстафия I, архиепископа Сербского. Прп. Ахилы Печерского, диакона, в Дальних пещерах. Прмч. Зосимы пустынника и мч. Афанасия.

18 янв., ср. – Навечерние Богоявления (Крещенский сочельник). Сщмч. Феопемпта, епископа Никомидийского и мч. Феоны (в Крещении Синесия) волхва. Прп. Синклитикии Александрийской. Прп. Симеона Псково-Печерского.

19 янв., чт. – СВЯТОЕ БОГОЯВЛЕНИЕ. КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.

20 янв., пт. – Попразднство Богоявления. **Собор Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.**

21 янв., сб. – Попразднство Богоявления. Прп. Георгия Хозевита. Свт. Емилиана, епископа Кизического. Прп. Домники Константинопольской, игумении.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!